

Василий Васильев

Путь в пустоту

18+

Василий Адольфович Васильев

Путь в пустоту

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72697474

SelfPub; 2025

Аннотация

**ОТ РАСХОДНОГО МАТЕРИАЛА 90-Х
ПОВТОРЯТЬ СТРОГО ЗАПРЕЩАЕТСЯ.
НАКАЗЫВАЕТСЯ КЛАДБИЩЕМ, ТЮРЬМОЙ И
ПСИХБОЛЬНИЦЕЙ.**

Реальная исповедь братка-пехотинца, прошедшего
через всё, и через то, что пройти нельзя.

Содержание

ЭПИЗОД 1. ЗНАКОМСТВО	5
ЭПИЗОД 2. НЕМНОГО О РОДИТЕЛЯХ	6
ЭПИЗОД 3. ДЕТСКИЙ САД	9
ЭПИЗОД 4. ДЕСЯТЬ КОПЕЕК	13
ЭПИЗОД 5. УРОК ТРУДА	17
ЭПИЗОД 1 УЧЕБА В ГПТУ	23
ЭПИЗОД 2. СПОРТ	25
ЭПИЗОД 1 ПОСТУПЛЕНИЕ В ЛТФК И С	29
ЭПИЗОД 2 УЧЕБА	31
ЭПИЗОД 3. ЗНАКОМСТВО С БАНДИТАМИ	35
ЭПИЗОД 1. ПРИЗЫВ	38
ЭПИЗОД 2. РАСПРЕДЕЛЕНИЕ	39
ЭПИЗОД 3. СПОРТ	41
ЭПИЗОД 4. ЧЕМПИОН ПОСЛЕ ОДЕКОЛОНА	42
ЭПИЗОД 5. ДЕМБЕЛЬ	45
ЭПИЗОД 1. ВОССТАНОВЛЕНИЕ НА УЧЕБЕ	47
ЭПИЗОД 2. РЕШЕНИЕ ПОМЕНИТЬ ЖИЗНЬ	49
ЭПИЗОД 1. ВХОД В КОЛЛЕКТИВ	53
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Василий Васильев

Путь в пустоту

ГЛАВА 1. СТАНОВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ

ЭПИЗОД 1. ЗНАКОМСТВО

Меня зовут Василий. Родился я в 1967 году в далеком провинциальном рабочем поселке под Москвой. Моя семья была самой обычной, из тех, что верили в светлое коммунистическое будущее, в идеалы «Мира, Мая, Труда» – во все, что полагалось.

Нас было пятеро: мама Людмила Николаевна, по профессии экономист; папа Альберт Иванович, работавший стекловаром; бабушка Ольга Ивановна – заслуженный учитель, орденосец, награжденная Орденом Трудового Красного Знамени и Орденом Почета; и старший брат Андрей, который был на целых десять лет старше меня.

ЭПИЗОД 2. НЕМНОГО О РОДИТЕЛЯХ

Об отце

Мой отец родился в 1931 году в Нарьян-Маре, в семье крупного партийного работника Ивана Васильевича и Ольги Ивановны – учительницы, уроженки Северодвинска.

Когда началась война, его отец, мой дед, написал несколько писем самому Сталину, умоляя снять с него «бронь» и отправить на фронт. Разрешение пришло лишь на третье письмо. Дед ушел добровольцем, став политруком. Он погиб на Синявинских болотах под Ленинградом, поднимая солдат в атаку. До сих пор он числится пропавшим без вести.

После похоронки бабушка с моим отцом, которому шел пятнадцатый год, больным цингой, перебрались в Подмоскowie к ее двоюродному брату. Тот сообщил, что в местной школе требовались учителя. Все льготы, полагающиеся семье парработника, были тут же отменены.

Шли голодные послевоенные годы. Бабушка, чтобы спасти сына от голода, устроила его в ремесленное училище – там учеников кормили.

В училище папа проявил незаурядные спортивные способности, что открыло ему дорогу в Ленинградский техни-

кум физической культуры и спорта «Трудовые резервы». Оттуда его призвали на пять лет службы на Балтийский флот.

Демобилизовавшись, он был вынужден вернуться в Подмоскowie к тяжело заболевшей матери. Устроился на завод, получил заочно высшее образование, потом поступил во второй институт, связанный с радиоэлектроникой, но так его и не окончил.

Впоследствии я часто удивлялся: как человек с одним высшим и незаконченным вторым, с генами бабушки-орденоносца и деда-политрука, не мог прожить и дня без банальной уличной драки? Про таких говорят: «Хлебом не корми – дай подраться».

Уже в преклонном возрасте, сидя на кухне, он любил рассуждать: «Вот никакой культуры у людей не осталось! Джентльменов не стало. У англичан надо учиться. Вот, к примеру, если английский джентльмен вступился за даму и нокаутировал грубияна, он никогда не станет добивать его ногами. Раньше и у нас, в поселке, в драке ногами добивали. А сейчас упадешь – и уже не поднимешься, забьют насмерть. Откуда столько злости?»

Мама в ответ лишь крутила пальцем у виска и говорила: «О какой ты культуре рассуждаешь? Культура – это выставки, музеи, театры, а не кулачные бои и их последствия!»

Но для отца уличные схватки были отдушиной в серой, однообразной жизни простого работяги. Его коронная фраза на протяжении всей жизни была: «Пойду кому-нибудь при-

дерусь». Я слышал ее от него даже когда ему было за семьдесят. Прямо персонаж для Книги рекордов Гиннеса!

Вот вам и ответ на вопрос, от кого у меня гены. Гены, которые я в дальнейшем развил в строго антисоциальном направлении.

Мама родилась в 1937 году в селе Хлевное Хлевенского района Липецкой области, в семье страхового агента и врача.

Во время Великой Отечественной войны, в восьмилетнем возрасте, её эвакуировали в Туркмению, в город Чарджоу. После войны она переехала к старшему брату Леониду.

Впоследствии мама окончила Университет имени Плеханова и работала старшим бухгалтером в ресторане «Астория». Поехав по туристической путёвке на горнолыжный курорт, она познакомилась с моим отцом. Они встречались, сыграли свадьбу, и она променяла Москву на подмосковный посёлок, где долгое время занимала должность начальника планового отдела.

ЭПИЗОД 3. ДЕТСКИЙ САД

Я рос, как и большинство детей: ясли, потом детский сад. Был я ребёнком застенчивым и верил, что в мире существует только добро. Почему-то мои «милые» одноклассники регулярно подкрепляли эту веру тумачками.

Родители работали с утра до вечера, бабушка к тому времени тяжело заболела и вскоре умерла, а старший брат был слишком молод, чтобы быть моей нянькой. Поэтому вопрос о моём уходе из сада из-за вечных синяков и шишек даже не поднимался.

И я последовал отцовскому совету. Начал колошматить обидчиков в ответ, размахивая кулаками направо и налево. Как сказал один поэт: «Добро должно быть с кулаками». В моём случае я добивался куда большего «добрым словом и кулаками», чем одним лишь добрым словом.

Вскоре воспитатели уже жаловались маме: «Ваш ребёнок колошматит детей из группы!» Так и прошла моя садовская пора. С тех пор я старался отстаивать добро всеми доступными способами, и не только кулаками.

Дружил я с обычными ребятами. Играли мы в классические дворовые игры: в солдатиков, в «расшибки» пивными и лимонадными пробками. Мастерили «пшикалки», «поджигалки» и «бомбочки» – в общем, всё как у всех обычных

дворовых пацанов.

И, конечно, дрались. Ежедневно, с поводом и без. Куда ж без этого? Дрались между собой. Старшие товарищи по двору стравливали нас, как псов, натравливая друг на друга. И мы дрались. Постепенно я привык к дракам как к чему-то повседневному, обыденному. Ну, подрался. Ну, сегодня набили тебе лицо. Завтра ты набьёшь лицо кому-то. Так и текло время.

Становление дворового пацана шло в «нужном» направлении – постепенно, через решение различных уличных ситуаций. В каждой из них у меня обострялось чувство справедливости, и я получал больше тумаков, чем мои сверстники. Они могли отреагировать спокойно или вовсе проигнорировать происходящее. Но только не я.

Однажды отец, выслушав мои жалобы, просто сказал: «Сынок, ты должен давать сдачи. Просто маши кулаками в ответ. Бей того, кто тебя ударил». Мама и бабушка, конечно, возмутились. Мама даже ходила в сад выяснять, почему воспитатели допускают, чтобы ее сына колошматили. Ей вежливо объяснили, что детей в группе много, а воспитателей – мало, и уследить за всем они физически не в состоянии.

Родители работали с утра до вечера, бабушка к тому времени тяжело заболела и вскоре умерла, а старший брат был слишком молод, чтобы быть моей нянькой. Поэтому вопрос о моем уходе из сада из-за вечных синяков и шишек даже не

поднимался.

И я последовал отцовскому совету. Начал колошматить обидчиков в ответ, размахивая кулаками направо и налево. Как сказал один поэт, «добро должно быть с кулаками». В моем случае я добивался куда большего «добрым словом и кулаками», чем одним лишь добрым словом.

Вскоре воспитатели уже жаловались маме: «Ваш ребенок колошматит детей из группы!» Так и прошла моя садовская пора. С тех пор я старался отстаивать добро всеми доступными способами, и не только кулаками.

Дружил я с обычными ребятами. Играли мы в классические дворовые игры: в солдатиков, в «расшибки» пивными и лимонадными пробками. Мастерили «пшикалки», «поджигалки» и «бомбочки» – в общем, всё как у всех обычных дворовых пацанов.

И, конечно, дрались. Ежедневно, с поводом и без. Куда ж без этого? Дрались между собой. Старшие товарищи по двору стравливали нас, как псов, натравливая друг на друга. И мы дрались. Постепенно я привык к дракам как к чему-то повседневному, обыденному. Ну, подрался. Ну, сегодня набили тебе лицо. Завтра ты набьешь лицо кому-то. Так и текло время.

Становление дворового пацана шло в «нужном» направлении – постепенно, через решение различных уличных ситуаций. В каждой из них у меня обострялось чувство справедливости, и я получал больше тумачков, чем мои сверстни-

ки. Они могли отреагировать спокойно или вовсе проигнорировать происходящее. Но только не я.

Я вечно ввязывался в истории, которые меня напрямую не касались. Из-за этого я попадал в неприятности гораздо чаще других. В неприятности, которых можно было бы избежать. Но нет – проявленная мною инициатива делала их моими. Старики правду говорят: необдуманная инициатива наказуема.

Я вечно ввязывался в истории, которые меня напрямую не касались. Из-за этого я попадал в неприятности гораздо чаще других, которых можно было бы избежать. Но нет – проявленная мною инициатива делала их моими. Старики правду говорят: необдуманная инициатива наказуема.

ЭПИЗОД 4. ДЕСЯТЬ КОПЕЕК

В 1972 году у меня в ладони сверкала целая десятирублевая монета. Я чувствовал себя миллионером, гордо вышагивая по двору мимо сверстников с высоко поднятой головой. Эти целых десять копеек дал мне отец, стекловар, пребывая в «весёлом» расположении духа после празднования своего профессионального дня.

Отец был человеком нежадным, даже – скажу прямо – материально незаинтересованным. Если бы завод перестал платить ему зарплату, он бы не слишком расстроился. Настоящий северянин, с детства рыбачивший на Печоре. Его отец, Иван Васильевич, с малых лет брал его с собой на охоту. Навыки рыбака и охотника Крайнего Севера он привез с собой в Подмоскowie и, без сомнения, мог прокормить семью браконьерской рыбалкой или охотой, чем время от времени и занимался в свободные от работы часы.

А я тем временем расхаживал по двору и хвастался своим капиталом, то и дело демонстрируя сверстникам заветную монету на ладони. Я гордо проходил перед старшими ребятами, выставляя богатство напоказ. По их недовольным лицам я понимал, как они мне завидуют, и от этого чувствовал себя ещё значительнее, горделивее и богаче.

Но за гордыней всегда следует расплата. Старший брат

моего приятеля, завидев у меня в руке десять копеек, тут же возжелал завладеть ими, прибегнув, как ему казалось, к хитрости. Он принес мертвого воробья и продал мне его как живого, забрав мою монету. А я, будучи очень добрым мальчиком, искренне хотел выпустить птичку на волю. Но воробушек в моих ручонках не шевелился.

Старшие дворовые товарищи и мошенник-брателло захотали надо мной. И тут – не знаю, откуда это берется – во мне проснулась та самая мощная внутренняя сила. Я не думал и не размышлял, что обидчик старше меня на пять лет. В считанные секунды я сблизился с ним и вразмашку начал лупить его с обеих рук с таким напором и остервенением, что смех резко стих. И, к моему удивлению, верзила начал прикрывать голову руками, не пытаясь даже дать сдачи. Это удивление пришло потом, с годами, когда мне не раз доводилось видеть, как внутренняя сила доходяги ломает физическую мощь какого-нибудь перекачанного качка. Как говорится в пословице, «дерзость любую силу ломит».

Чья-то сильная рука оттащила меня за воротник от моего бывшего обидчика, который моментально превратился в обиженного. Это была рука отца. Он возвращался с работы под легким градусом, проходя через двор домой. Его внимание привлекли возня, а точнее – избивение мной старшего брата моего друга. Отец знал, что тот старше меня лет на пять-шесть.

Папа неспешно достал из пачки папиросу «Беломорка-

нал», чиркнул спичкой, сделал пару затяжек, пока мы пытались отдышаться после потасовки.

«Ну, что тут у вас произошло?» – поинтересовался он.

Я молчал, понимая, что отец на моей стороне, и у меня есть шанс вклеить аферисту еще одну затрещину. Но все пошло не так, а точнее – совсем не так, как я думал.

Напуганный обидчик автоматически протянул мои десять копеек отцу. Тот взял их. Не перебивая, отец выслушал сбивчивый, испуганный рассказ из разбитого мною рта о попытке продать мертвого воробья и о том, чем эта афера для него обернулась.

Я остолбенел от решения, которое принял отец. Он просто взял и отдал мои десять копеек избитому верзиле. Потом крепко взял меня за руку и повел домой.

Тогда я не понял, что это было. Я осознал это много позже, когда уже жил в Ленинграде и мне самому не раз приходилось платить за откуп, чтобы не оказаться за решеткой. Папа, переживший послевоенное, жестокое, голодное детство, острее видел такие моменты. Он понимал, как нужно сглаживать углы, чтобы упреждать возможные проблемы в будущем. Возможно, в моем старшем брате он видел себя, а во мне – того, кем мог бы стать. Отец готовил меня к жизни в мире, параллельном обычному социуму. В мире, где академическое, специальное образование не имеет никакой ценности. Мире, который он понимал и знал, но в котором по стечению обстоятельств не жил. В преступном мире.

Он никогда не делал упор на мою учебу, в отличие от брата, с которого требовал хороших оценок. Улица забирала все мои силы и свободное время.

ЭПИЗОД 5. УРОК ТРУДА

Учителя труда звали Виктор Павлович – суровый мужик и большой любитель горячительных напитков. В школе он пребывал в одном из двух состояний: либо слегка поддатый, либо с жестокого похмелья. Часто, в течение пары уроков, он отлучался в свою комнатку «поправить здоровье». Ко второй паре он уже не мог толком стоять на ногах и сидел на стуле, пытаясь надеть на свое пьяное лицо маску умной серьезности, при этом частенько забывая, какое задание дал нам в начале.

Из-за нехватки кадров администрация закрывала глаза на пристрастие Виктора Павловича. Уроки труда у мальчиков и девочек проходили отдельно. В тот день наш учитель, пребывая в состоянии жуткого похмелья и в душе проклиная все на свете, кроме рюмочной, все же собрал остатки воли и выдал задание: обтачивать киянки – столярные молотки из дерева.

Все ученики, кто с рвением, кто без, навалились на работу. Все, кроме меня. Я стоял у верстака и ничего не делал. Виктор Павлович отлично понимал, что не сможет уйти «поправиться», пока не приструнит меня. Мой демарш приковывал к себе все его внимание, лишая его заветной цели.

Он быстрым шагом направился ко мне, на ходу крича:

– Ты почему не работаешь? Я задание дал, выполняй!

Похмелье подстегивало его, заставляя как можно скорее приобщить меня к труду и наконец-то получить доступ к спасительной стопке.

Я спокойно ответил:

– А зачем ее точить? Ей и так колошматить можно отлично.

И тут Виктор Павлович ударил меня по голове. Я почувствовал, как по левому уху медленно стекает что-то теплое. Это была кровь. Я посмотрел на его ладонь – в ней была увесистая связка ключей, на которых уже проступали алые пятна. Он тоже смотрел то на ключи, то на кровь, сочившуюся из моей головы. В этот миг хмельной туман будто выветрился из него, и он, наконец, понял, что натворил. Лицо его побелело от страха.

С ним начало твориться что-то странное: он быстро моргал, что-то бессвязно мычал, то улыбался. На мгновение мне даже показалось, что он сходит с ума. Вид крови меня не пугал – в уличных драках со старшеклассниками я сталкивался с ней, если не каждый день, то через день.

Размеренным, тихим голосом я сказал:

– Виктор Павлович, я за папой схожу. Он тебе или киянку доделает, или тобой, как киянкой, помашет.

Тогда я еще не понимал, что этот горе-педагог перешел

черту, установленную не только моралью, но и законом. До меня это дошло, когда я увидел глупое и перекошенное ужасом выражение на его лице. Он сообразил, что это не просто пьяный дебош, на который администрация смотрит сквозь пальцы. Это – нанесение побоев несовершеннолетнему. А за это светил уже не выговор, а уголовная статья.

Перед ним маячили два выхода: разговор с моим отцом или разговор с милицией по заявлению матери. Первый вариант был для него ближе – и морально, и физически. Я невольно слышал когда-то, как папа, беседуя на кухне с другом Анатолием, рассказывал: «Вчера Палыч в рюмочной перебрал и на меня выступать начал. Пришлось ему леща подзатыльником выписать».

Я бежал из школы домой что есть мочи. Кровь заливала глаз, пачкала форму, мешала смотреть на дорогу и привлекала внимание прохожих. Мне отчаянно хотелось смыть засохшие сгустки с волос и помазать рану йодом или зеленкой.

Дома на кухне царило веселье. Стол был накрыт по-деревенски: капуста, картошка, селедка, хлеб и, конечно, литр самогона, одна бутылка из которого была уже почти пуста. Кухня стояла сизая от дыма папирос и сигарет – хоть топор вешай. Двое местных «сидельцев», как часто бывало в отсутствие мамы, развлекали отца байками о жизни за колючей проволокой.

Отец, подвыпив, как-то сказал мне о них: «Не думай, что

они конченные ублюдки. Это просто несчастные люди, бедолаги, с которыми судьба обошлась неблагоприятно». Один сел за то, что вступился за жену, убив угрожавшего ей рабочего. Другой – матерый вор, не могущий пройти мимо всего, что плохо лежит. Жалел он их именно за эту обреченность, за неспособность вырваться из своего круга.

Увидев мою окровавленную голову, папа спросил:

– Опять к старшеклассникам ходил задирануться?

– Да нет, – начал я, – это учитель труда, Виктор Павлович...

– Вот мерзавец, – буркнул отец себе под нос.

Больше никто не стал дослушивать мой рассказ. Как по команде, вся компания вскочила из-за стола и на самогонных парах рванула в школу. Я успел смыть запекающуюся кровь, намазать голову йодом, снять пиджак и бросился вдогонку за лихой троицей.

Я догнал их у входа в школу, но на меня уже не обращали внимания. Они шли с такой целеустремленностью, словно шли в атаку герои былых времен. Цель у всех троих была одна – наказать обидчика.

Виктор Павлович, к этому времени уже протрезвевший, стоял, насторожившись, как суслик, чуя опасность. Увидев отца и компанию, он рванул в длинный школьный коридор и

помчался к кабинету администрации с скоростью олимпийского спринтера. На бегу он истошно орал на всю школу, оправдываясь:

– Я ему ноготком! Ноготком, нечаянно!

На что мой отец, остановившись, крикнул ему вдогонку:

– Я тебя, щенок, позже в рюмочной найду!

В тот день я усвоил важный урок: какой бы сильной и властной ни была фигура, правда и грубая сила всегда её сломят. На моих глазах важный и серьёзный мужчина превратился в скулящего щенка под гнётом обстоятельств, которые создал себе сам.

С таких вот ситуаций, с самого детства, я начал понимать, что в жизни существуют связи, «блат», «спина». Что на любую силу найдётся другая сила. Все эти рычаги я впоследствии научился применять в своих нелёгких делах, шедших вразрез с общепринятыми нормами.

Инспекция по делам несовершеннолетних заметила меня рано и, конечно, поставила на учёт. Начальница, серьёзная на вид женщина, вызывала меня по повестке раз в месяц для профилактических бесед. Она втолковывала мне, что такое хорошо и что такое плохо, и к чему это может привести. Хотя, наверное, в душе сама не верила, что её внушения на кого-то повлияют. Благо, она охотно принимала подарки и

подношения. Говорили, что последний раз она приняла в дар банку солёных огурцов – контингент у неё был соответствующий, в основном дети из неблагополучных семей. Я понимал, что папа или мама всегда смогут с ней «договориться», если гири окончательно грохнутся об пол.

Вот так я и дотянул до окончания восьмого класса.

ГЛАВА 2. ГПТУ

ЭПИЗОД 1 УЧЕБА В ГПТУ

Ура! Да здравствует ГПТУ (Государственное профессионально-техническое училище)! Хотя в народе ходила другая расшифровка: «Господи, Помогите Тупому Устроиться».

Я без труда перенёс свой стиль жизни из школы в училище и сразу стал своим среди тамошнего контингента. А контингент, надо сказать, был ещё тот. Тумаки я теперь приносил домой посерьёзнее школьных. Меня утешало лишь одно: учиться здесь было необязательно. Никаких дневников, никакого пристального внимания к оценкам. Меня готовили в наладчики оборудования для огромного градообразующего завода – мощного и сильного по тем временам. Но я сомневался, что буду там работать. Вообще сомневался, что стану работать на какого-нибудь «дядю». Мне это представлялось скучным и беспросветным. Никакие лозунги про «Мир, Труд, Май», никакие демонстрации не вызывали у меня ни малейшего энтузиазма. То самое «светлое будущее» виделось мне тёмным, бесконечным тоннелем.

Как-то раз отец, с присущим ему презрением к официальной мишуре, сказал мне: «Возьми пустой плакат и иди на первомайскую демонстрацию. Этим поступком ты публично выразишь своё несогласие».

Эта идея привела маму в ярость.

В нашей группе учился паренёк по имени Сергей. Спор-

тивного телосложения, но спокойный, незаметный и неразговорчивый – про таких говорят, будто их пыльным мешком по голове ударили. Я, конечно, не мог удержаться и не придраться к нему. Но драться с ним оказалось на удивление тяжело. Он жил в посёлке за двадцать пять километров от моего.

В конце концов, мои амбиции были уязвлены. Как так – я, проводящий большую часть времени в уличных драках, не могу справиться с каким-то «ботаником», который ещё и умудряется порой побить меня? Однажды я прямо спросил его, как у него это получается.

«А я на секцию бокса хожу, – спокойно ответил он. – Хочешь – приезжай, я тебя запишу».

Меня будто молнией ошарашило. Он предложил мне то, о чём любой пацан мог только мечтать. Я, не раздумывая, согласился. Двадцать пять километров до секции меня не пугали – у меня был ученический проездной, не зря же я учился в ГПТУ.

Сергей, мой новый однокурсник, буркнул: «Бери с собой трусы, полотенце и майку. Приезжай ко мне домой к четырём. Договорились».

ЭПИЗОД 2. СПОРТ

Ровно в три тридцать я уже стоял у его дома. Моя спортивная сумка была укомплектована всем, что он велел. Я гордо ждал, приехав на полчаса раньше. Сергей появился ровно в четыре. На его плече красовалась сумка куда богаче моей. «Пошли», – скомандовал он.

Мы направились к клубу. Боксёрский зал находился на втором этаже. Я чувствовал, что вхожу в какой-то особый мир, но он был мне не чужд. Возникало ощущение, будто я здесь уже был в прошлой жизни, будто это моё родное. Хотя до этого шага я ни разу не переступал порог боксёрского зала.

Тренера звали Сергей Иванович. Невысокого роста, плотного телосложения, лет пятидесяти, подвижный и шустрый. Как я позже узнал, он был кандидатом в мастера спорта. Его стиль – «технарь». Технический боксёр. Знающие люди поймут, о чём я. Если кратко – это универсальный боец, который может и отправить в нокаут точным ударом, но главная его цель – технически переиграть соперника по очкам.

Без лишних расспросов, почти по-семейному, он спросил:

– Сколько лет?

– Четырнадцать, – ответил я.

Он что-то быстро написал в журнале и объявил:

– Записан в школу бокса. Бери вот те шестнадцатиунцовые перчатки, иди в ринг. Посмотрим, что умеешь.

Моим спарринг-партнёром он поставил Сергея.

Прозвучал гонг. Сергей мгновенно сгруппировался: приподнял левое плечо, опустил подбородок, прижал локоть правой руки к печени, а саму перчатку – к подбородку. Ноги на ширине плеч, левая чуть впереди, правая сзади, обе слегка согнуты в коленях. Он легко подпрыгивал на носках в этой стойке.

Я не придал этому значения. Со звуком гонга я применил свою уличную тактику: бей или тебя забьют. Но здесь, в ринге, она не сработала. Я раз за разом натыкался на его левую руку. Мне не удавалось приблизиться, чтобы начать молотить с обеих рук.

Я попытался просто отбить его руку вниз и прорваться к нему. Руку я отбил, но Сергей тут же подставил правую и встал во фронтальную стойку, приподняв обе перчатки. Я понял, что сблизился, и подумал: «Если я отступлю, то на дистанции мне его не победить». У Сергея была подготовка, а у меня – нет. Я начал колотить его с обеих рук, прижав к канатам.

Прозвучал гонг.

– Стоп! – крикнул тренер. – Неплохо. Для первого раза

неплохо. А кто тебя научил руки у подбородка держать?

– Папа, – ответил я.

– А что, он боксёр?

– Да, мастер спорта. Закончил Ленинградский техникум физкультуры. Провёл сто двадцать боёв, сто выиграл. Стал чемпионом Ленинграда, за что и получил звание. Выступал и на открытых рингах, и на официальных соревнованиях.

Тренер на мгновение задумался, промолчал, а затем объявил время следующей тренировки, добавив:

– И не забудьте бинты и капы.

Я тут же принялся донимать Сергея вопросами: что такое бинты и капы и почему тренер о них напомнил? Сергей с гордостью показал мне скрученные бинты, а потом достал из-под зубного порошка коробочку, в которой лежала странная штукавина, напоминающая вставную челюсть.

– Это капа, – важно пояснил он. – Бинты нужны, чтобы не повредить кисти, фаланги, запястья. А капа защищает от травм челюсти. Надо ещё уметь правильно бинтовать руки.

– А когда мне скажут их приносить? – не отставал я.

– Месяца через два тренировок, – ответил Сергей.

В зале занималось человек двадцать. У некоторых на ногах были боксёрки, но большинство тренировались в кедах.

– А с боксёрками как? – снова пристал я. – Почему ты в боксёрках, а я и большинство – в кедах?

Его ответ был простым и без всякой гордости, даже скучным:

– Я на юношеских соревнованиях был, выиграл бой, и тренер Сергей Иванович разрешил подобрать себе боксёрки в спорткладовой. Подобрал-то я их, но на два размера больше – моего не было.

Однако он явно считал себя избранным среди нас, «кедовых», так же как я ещё не имел права носить на тренировках ни бинты, ни капу. Сергей, видя моё недовольное и завистливое лицо, попытался меня успокоить:

– Вот съездишь на соревнования, выиграешь бой – будут тебе и бинты, и боксёрки, а капу тебе на соревнованиях и так разрешат.

«И всего-то?» – подумал я тогда.

В итоге я выиграл не один бой, а пятнадцать, при одной ничьей и ни единого поражения. Помимо капы, бинтов и боксёрок, в шестнадцать лет я получил первый взрослый разряд по боксу.

ГЛАВА 3. ЛЕНИНГРАД

ЭПИЗОД 1 ПОСТУПЛЕНИЕ В ЛТФК И С

Когда в наше ГПТУ поступил запрос из легендарного Ленинградского техникума физической культуры и спорта «Трудовые резервы» о направлении одного человека, выбор, конечно же, пал на меня. Об этом объявил на предвыпускном построении сам директор.

Спорт спортом, но этот техникум был всесоюзной кузницей кадров. Со всего Союза съезжались титулованные спортсмены, чтобы попытаться счастья. Конкурс – десять человек на место. А я в учёбе был дуб дубом, и папа это прекрасно знал.

Он поехал к своим друзьям. Один из них – бывший олимпийский чемпион, когда-то учившийся с отцом в той же группе того же техникума. Просьба была одна: «Замолвите словечко». И за меня замолвили.

И вот, когда на экзамене по истории я по шпаргалке описывал подвиг Олега Кошевого, перепутав его с Леней Голиковым (просто не той шпаргалкой воспользовался), на стенде в коридоре у меня красовалась четверка. Кто сказал, что чудес не бывает?

Нормативы по спортивным дисциплинам – боксу, легкой атлетике, плаванию – я, разумеется, сдал на пятерки. Сильные мира спортивного замолвили за меня словечко. С такой протекцией можно было мычать как баран и хлопать глазами – и всё равно тебя бы зачислили во Всесоюзный Ленинградский техникум физической культуры и спорта.

Шел 1984 год.

ЭПИЗОД 2 УЧЕБА

Началась учеба. Многие студенты поступили сюда сами, без протекции. Это были прирожденные спортсмены, с детства отданные в детско-юношеские школы и к восемнадцати годам уже успевшие стать кандидатами в мастера спорта, а то и мастерами.

Расскажу один случай. Наша группа №25 состояла из боксеров и лыжников. Как-то раз в общежитии на проспекте Солидарности мы праздновали день рождения одного одногруппника-лыжника. На следующий день был чемпионат Ленинграда по боксу. Выступать на нем был заявлен наш парень, Андрей, приехавший из Липецка.

Я поинтересовался у него: «Как ты с такого похмелья пойдешь на чемпионат и будешь претендовать хоть на какое-то место?»

Он поправил меня: «Не на какое-то, а я его выиграю и получу звание мастера спорта. Проблема одна – вес на семьсот грамм перебрал, срочно гнать надо».

«И как?» – спросил я.

«Варианты есть, – просто ответил он. – Первый: баня. Но я пьяный – отпадает. Второй: целиком лимон съесть – килограмм сожжет. Но после вчерашнего лимон жевать не хочется. Остается третий: выпить бутылку сухого вина – как раз семьсот грамм сожжет. Вот так и поступлю».

Он выпил бутылку белого сухого «Ркацители» объемом 0,7 литра. На следующий день выиграл чемпионат Ленинграда и получил звание мастера спорта.

Студентов нашего техникума часто отправляли «на картошку» – убирать урожай с полей под Ленинградом. Вывозили всех вместе – и боксеров, и конькобежцев, и борцов, и гимнастов.

Как-то раз я решил прогуляться по деревне с гимнасткой Мариной. На въезде стоял самодельный турник. Местные парни корячились на перекладине, пытаясь сделать какие-то немислимые упражнения. Мы были одеты по-колхозному: шапки, телогрейки.

Марина сказала: «Пойдём к турнику». Мы подошли. Она немного понаблюдала за их мучениями, дождалась, пока турник освободится, ухватила за перекладину, сделала выход на две руки и крутанула «солнышко» три раза подряд, после чего легко соскочила на землю. Мы пошли дальше, оставив местных «гимнастов» в состоянии лёгкого ступора.

В программу обучения входили зачёты по разным видам физкультуры, включая плавание. Сдавать их нужно было не ниже уровня первого взрослого разряда. Как-то раз мой зачёт по плаванию совпал по времени с тренировкой девушек-пловчих. Они, видя, что я сдаю, решили «подколоть» меня. Одна говорит: «Чтобы тебе веселееплылось, давай я рядом на соседней дорожке поплыву. Даю тебе фору».

«Давай», – согласился я.

Бассейн был 25 метров. Нужно было проплыть 100 метров вольным стилем, уложившись в норматив первого разряда.

Я прыгнул и поплыл к противоположной стороне. Только тогда она нырнула и поплыла за мной. Без особых усилий она меня догнала и обошла. И это была девушка-пловчиха, а не мужчина. Я всегда говорил: каждому своё. В каждом виде спорта работают свои группы мышц, которые тренировки лишь развивают, а не создают с нуля.

Будучи учеником всесоюзного физкультурного техникума, я так и не понял этих «раздутых» на протеинах «качков» из девяностых, которые весь день проводили в подвальных качалках, а вечером, выпив бутылку самогона, отнимали сумки у пенсионеров. Эти персонажи даже не понимали, куда они лезут, проживая не свою жизнь. Они входили в роль тех, кем не являлись. Поверив в этот образ, они начинали совершать ошибки, за которые потом жестоко расплачивались. Но осознание приходило слишком поздно.

Всё в моей новой жизни складывалось хорошо, но, как говорил мой друг детства: «Какая бы ни была хорошая машина, не гарантировано, что днищем ты не наедешь на корягу».

Так вот, я наехал.

Уличная гордыня не позволяла мне брать или просить деньги у родителей. А деньги были нужны.

Хотелось одеваться, есть что-то вкусненькое помимо тех-

никумовской столовой (не то чтобы я на неё жаловался – перед соревнованиями нас кормили отлично: сметана, творог, соки). Речь о другом: хотелось сводить девушку в кино, угостить её в буфете кофе, мороженым или шоколадкой. А на это нужны были деньги, которых у меня не было.

Я понимал, что финансово беден. В 1985 году уже появились мажоры, щеголявшие в заграничных тряпках. Хотелось одеваться достойно, не отставать от сверстников, у которых были средства на нормальную студенческую жизнь. Они брали деньги у родителей.

Но только не я. Моя натура не позволяла мне этого. Я видел, как родители горбачились на сдыхающем заводе, сводя концы с концами. Грузить вагоны по ночам я физически не мог – после двух полноценных боксёрских тренировок не оставалось сил. Да и хотелось просто отдохнуть, сходить в кино, желательно с девушкой. А для этого нужны были деньги. Мои собственные деньги.

ЭПИЗОД 3. ЗНАКОМСТВО С БАНДИТАМИ

В начале 1985 года к нашему техникуму начали подъезжать «Жигули» – «шестёрки» и «восьмёрки», плотно набитые крепкими парнями, словно сошедшими с экранов бандитских боевиков. Цель у них была одна: сделать предложение ученикам-борцам и боксёрам, от которых пахло дешёвой столовской едой и бедностью.

Предложение заключалось в подработке «пушечным мясом» на стрелках и разборках. Платили хорошо. Обычные стрелки без «отягощений» – сто-двести рублей. Если же ситуация была сложнее и риск выше, цена доходила до трёхсот. Для сравнения: зарплата инженера в то время составляла рублей сто двадцать.

Я, конечно, соглашался, охотно ездил на разборки. Мне было абсолютно все равно, чьи интересы представлять. Важно было то, что платили исправно – в зависимости от «тяжести» мероприятия.

Поначалу я удивлялся, почему расчет всегда происходит после стрелки. Но логика оказалась простой и безжалостной: если тебя убьют во время разборки, то и платить тебе будет

не нужно. Простая бандитская экономия. На мое место всегда стояла очередь из таких же голодных и амбициозных пацанов, жаждущих легких денег. Мы были расходным материалом, «деревом». Ничего личного.

Поняв это, я не остановился. Для меня это была игра в рулетку, где ставкой была жизнь, а выигрышем – деньги. Я не позволял себе думать о проигрыше, внушал себе: убьют кого-то другого, но только не меня. Я отказывался верить, что следующая стрелка может стать для меня последней.

В 1985 году на разборках стреляли еще редко, но стреляли. В моду входили ударные и колюще-режущие предметы. На сцену выходили бейсбольные биты и ножи-бабочки. К тому времени я уже имел некоторый опыт работы с этими «инструментами».

Судьба пока обходила меня стороной. «Сыграть в шестигранник» – на бандитском жаргоне означало оказаться в гробу. Я не осознавал или не хотел осознавать, что каждая поездка может стать билетом в один конец.

После переговоров, удачных или не очень, бандиты могли что-то выяснять между собой на повышенных тонах. Но с нами, наемниками, расчет был всегда четким. Сунув в руку купюры, говорили: «Держи и свободен». Никаких эмоций, никакой благодарности. Работа «пушечного мяса» на этом заканчивалась.

Мои бойцовые качества начали неплохо конвертироваться в деньги. Я не упускал ни одной возможности подзарабо-

тать. К концу 1985 года за моими плечами был уже солидный опыт посещения подобных мероприятий. Соответственно, и с деньгами проблем не было. Время от времени я даже высылал небольшие суммы родителям – по десять, пятнадцать, двадцать рублей почтовыми переводами. Это были мои первые заработанные деньги, и мне хотелось делиться ими с теми, кто для меня всего важнее.

ГЛАВА 4. ФЛОТ

ЭПИЗОД 1. ПРИЗЫВ

Учёба в техникуме шла своим чередом, а параллельно продолжались и поездки на стрелки. Я был там своим – «пушечным мясом», «деревом». Суть от названия не менялась. Эти выезды конвертировали риск в деньги, и жизнь, казалось, начинала налаживаться.

Всё изменилось, когда меня вызвали в Невский военкомат и вручили повестку. Военной кафедры в нашем техникуме не было, и в апреле 1986 года меня призвали для прохождения службы в Черноморском военно-морском флоте, в городе-герое Севастополе.

В том же году самолёт с призывниками из Ленинграда приземлился в Симферополе.

ЭПИЗОД 2. РАСПРЕДЕЛЕНИЕ

После прилёта началось распределение по частям. Перед этим нас продержали около суток в огромном, продуваемом всеми ветрами ангаре. Посреди помещения стояли два стола. Сидевшие за ними сверхсрочники по очереди выкрикивали фамилии призывников. Тот, чью фамилию называли, должен был подойти, расписаться в документах и ждать, когда за ним приедут из части.

Была своя, чёткая градация. Сверхсрочник за одним столом набирал команду в морскую пехоту – на два года. Его коллега за вторым – призывал в матросы на все три.

Я, конечно, попытался схитрить. Не дожидаясь своей очереди, я подошёл к столу, где набирали в «пехоту».

– Фамилия? – сухо спросил сверхсрочник.

Я назвал.

– Я тебя не вызывал. Ты чего тут встал? Здесь очередь не за кефиром. Отойди и жди, когда вызовут.

На этом моя предприимчивость закончилась. Вскоре мою фамилию выкрикнули уже со «второго» стола – три года матросом Черноморского флота.

За мной одним приехал мичман на «Волге».

– Тебе повезло, сынок, – сказал он, пока мы ехали. – Попал в золотую часть.

Те, кто служил там в то время, прекрасно поймут, о чём

он. Ирония судьбы была в том, что спустя две недели из Ленинграда в часть пришли мои спортивные документы. С этого момента всё и понеслось.

ЭПИЗОД 3. СПОРТ

Мои спортивные навыки определили всю мою флотскую службу. Меня стали привлекать ко всему – от марафонов до боксёрских турниров. Я бегал десяти километровые кроссы и выступал на соревнованиях, где часто показывал блестящие результаты. Но армейская дисциплина и мой характер постоянно шли рука об руку. Из-за драк мне пришлось сменить четыре части, и только спортивные заслуги спасали меня от дизбата – военной тюрьмы. Один случай стал хрестоматийным.

ЭПИЗОД 4. ЧЕМПИОН ПОСЛЕ ОДЕКОЛОНА

Как-то раз мама прислала мне посылку с одеколоном «О, ЖЕН». Флакон был красивый, а запах... весьма специфический. Решив «расслабиться» и вспомнив, как в моём подмосковном посёлке местные любители выпить употребляли одеколон с сахаром, я последовал их примеру. Закусив куском сахара, раздобытым у корабельного кока, я вышел на пирс подышать «свежим» воздухом. Вместо ожидаемой эйфории я получил жестокое отравление и оказался в медсанчасти. Проблема была в том, что на носу были соревнования – мне предстояло бежать десятикилометровый кросс за честь дивизиона на городских соревнованиях, посвящённых гражданскому празднику. А вместо подготовки я лежал под капельницей, и было неизвестно, выживу ли я вообще.

В мой адрес обрушился шквал угроз от мичманов и офицеров. Но я не подвёл – вытащил себя на старт и пришёл первым, на глазах у гражданских зрителей и офицеров флота.

Однако на уровне высшего командования и гражданских чиновников решили, что победу «тактичнее» отдать гражданскому спортсмену. Хотя я был первым, спорить с начальством на службе бессмысленно. К такой «спортивной справедливости» я был готов – ещё в Ленинграде, учась в тех-

никуме, мы иногда сдавали «заказные» бои за деньги. Я рассуждал просто: званий хватит на всех, а вот станет ли человек настоящим чемпионом – покажет время. Я же не гнался за званиями – в старости медалями сыт не будешь, а здоровье к тому времени будет основательно подорвано.

Вскоре меня вызвал прямой начальник, капитан-лейтенант.

– Ну ты даёшь! – покачал головой офицер. – То одеколон пьешь, думали, окочуришься. То соревнования выигрываешь. Ты, товарищ старший матрос, из крайности в крайность бросаешься!

– Вы ошибаетесь, – поправил я. – Во-первых, я не старший матрос. А во-вторых, я говорил, что выиграю. И выиграл.

– Слушайте, товарищ старший матрос, – офицер перешёл на «вы». – Нашивайте лычку. Вам присвоено звание. И озвучу вам два варианта: первое – вам возвращается увольнительная, второе – поездка в отпуск.

– Конечно, в отпуск! – не раздумывая, ответил я.

– Только недавно в дизбат хотели сослать, а теперь – отпуск, – пробурчал я себе под нос.

– Соблюдайте субординацию, – ответил офицер, но с дружеской улыбкой. – От себя скажу: большое дело сделал. Благодаря тому, что мы отдали первое место гражданскому, дивизион получит от администрации дополнительное продовольствие и кое-какое хозяйственное имущество. Свободен.

Так спорт стал моим пропуском к относительной свободе на флоте. Благодаря ему я комфортно себя чувствовал, мог спокойно уходить в самоволку, уверенно убегая от патрулей по севастопольским горкам и с городских пляжей. Все мои выходы с лихвой перекрывались спортивными достижениями в глазах командования. Его величество спорт был моим главным козырем.

ЭПИЗОД 5. ДЕМБЕЛЬ

И вот наступил май 1989 года. Пришло время дембеля, пора было собираться домой. Но флотские соревнования шли чередой, одно за другим. Впервые спорт начал работать против меня. Командование не хотело отпускать бойкого матроса, который приносил части победы и, что немало важно, связанные с ними преференции от городских властей.

Меня уговаривали остаться «ещё на разочек», «на последние соревнования». Я уже переслужил свой срок «за компот» второй месяц, а впереди маячили новые старты – от бокса до лёгкой атлетики. Посыпались предложения: остаться на сверхсрочную службу, поступить в Черноморское высшее военно-морское училище имени П.С. Нахимова. Но становиться кадровым военным не входило в мои планы.

Пришлось пойти на хитрость. Я написал отцу письмо, в котором попросил его связаться с администрацией ленинградского техникума. Суть была проста: пусть они вызовут меня срочной телеграммой на соревнования, якобы проходящие в Ленинграде.

План сработал. Двадцать шестого мая 1989 года я переступил порог контрольно-пропускного пункта части Черноморского флота в городе-герое Севастополе и впервые за три года оказался на гражданке.

ГЛАВА 5. ГРАЖДАНКА

ЭПИЗОД 1.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ НА УЧЕБЕ

Вернувшись в Ленинград, я восстановился в техникуме физкультуры и спорта на второй курс. Поселился у родной сестры бабушки, на Гражданском проспекте, у метро «Академическая».

Однако, проучившись всего месяц, я с тревогой понял: расходы в новой, «гражданской» жизни возросли, а доходов не было вовсе. Город за три года изменился. Жизнь понеслась быстрее, вокруг замелькали диковинные вещи: импортные мобильные телефоны «Моторола», щегольские «тряпки», шумные рынки, повсюду – наперсточники. У меня, как говорится, глаза на лоб лезли.

Но был и другой, более тревожный признак новых времен. Машины с братками, как раньше, к техникуму уже не подъезжали. Бандиты, набирая «пушечное мясо» для стрелок, теперь использовали мобильную связь, обзванивая спортивные залы. Желающих, готовых рисковать за деньги, по-прежнему не было отбоя.

Я трезво оценивал ситуацию. Если до армии, живя на одну стипендию, я влачил нищенское существование, то теперь, с новыми соблазнами и возросшими аппетитами, искать подработку стало необходимостью. Но старый, проверенный ка-

нал дохода иссяк.

Время шло. В голову все настойчивее лезли мысли о рынках и наперсточниках. Я рассуждал: там крутятся настоящие деньги. Каждый день по телевизору я видел, сколько наивных людей пытается поймать удачу, чтобы в итоге проиграть все до копейки.

Я долго и мучительно думал: кем я стану в старости в этой стране? Пьяным тренером в каком-нибудь интернате? Забытым государством спортсменом-пенсионером?

ЭПИЗОД 2. РЕШЕНИЕ ПОМЕНИТЬ ЖИЗНЬ

Решение пришло внезапно и бесповоротно. Я решил перейти на ту сторону закона, где деньги текли рекой, а не капали скудной стипендией. Я бросил учебу, до защиты диплома оставалось всего два месяца, и начал активно искать подход к коллективу наперсточников.

Я был готов ловить миг, который давал финансовые возможности. Мне было неважно, кем буду – «нижним» или «верхним» игроком. Главное – оказаться по другую сторону стола, среди тех, кого в наперсточном мире с презрением называли «лохами».

Эти «лохи» были обычными людьми, вкалывавшими за копейки и проигрывавшими в наперстки свои, тяжким трудом заработанные деньги. Они теряли всё, но продолжали верить, что поймают жар-птицу за хвост. А её, этой жар-птицы, просто не существовало. По телевизору об этом твердили день и ночь: «Не играйте, это мошенничество поговору!» Показывали, как технически происходит обман. Но люди упрямо отказывались верить. Отсюда и родилась у наперсточников циничная поговорка: «Лохы не мамонты – никогда не вымрут».

Мой план был прост: войти в доверие к «крыше». Эти ре-

бьята, в основном действующие и бывшие спортсмены, следили за передвижениями милиции и вовремя предупреждали наперсточников об опасности. Они же «успокаивали» особо рьяных проигравших. Государство о них не заботилось, вот они и научились заботиться о себе сами, оказывая «охранные услуги» за хорошее вознаграждение.

А в наперстках водились деньги. А деньги мне были отчаянно нужны.

Мы все выбираем свой путь. Мой выбор был таков. Я не верил в силу академического или физкультурного образования. Я верил в людей, умеющих создавать финансовые активы. Работать за зарплату на государство или «дядю» – это было не для меня.

Каждое утро я, как на работу, ездил на Некрасовский рынок. Подходил к напёрсточникам, заговаривал с их «крышей» – некоторых я знал по боксёрским залам. Я пытался войти в доверие, зацепиться за что угодно, лишь бы сблизиться с коллективом. «В мутной воде большая рыба водится», – рассуждал я.

Я поставил на кон всё: будущий диплом и право «пахать» на государство до пенсии или до гроба. Я не имел права не осуществить свой план. И в итоге я внедрился.

Я ни о чём не жалею. Та жизнь дала мне возможность близко познакомиться с людьми, о которых позже писали книги и снимали фильмы. Кстати, о фильме... От себя скажу: он больше чем наполовину похож на правду. Некоторые

имена там даже не изменены; с кем-то из героев я был близко знаком, с другими – трудился бок о бок. Вы сами догадаетесь, о каком фильме речь. Мне он до определённого момента нравился. Я даже пытался найти в нём себя и, представьте, мельком увидел кое-какое сходство.

Мой психотип того времени совершенно не подходил под вакансии, которые предлагало государство. Оно сулило финансовую стабильность в обмен на рабский труд – труд, который либо оплачивался неблагодарно, либо не оплачивался вовсе. Мы все помним те времена, когда зарплату задерживали на месяцы, а то и выдавали её тем, что производил завод: велосипедами, кинескопами для телевизоров или туалетной бумагой. Согласно данным мониторинга, в 1996 году задолженность по зарплате затронула 60% работников.

Я ни в коем случае не призываю всех бросать работу. Я просто говорю, как поступил я в той конкретной ситуации, и не жалею об этом. Я действовал исходя из простой мысли: если государство не может позаботиться даже о себе самом, то чего ждать от него мне? Чтобы не обременять его своей персоной, я решил позаботиться о себе сам.

Получается так: ты вкалываешь как раб на галерах, тебе задерживают зарплату или выдают её туалетной бумагой, а на пенсии о тебе и вовсе забывают.

Есть такой анекдот про медведя...

Ты бежишь – он бежит.

Ты на дерево – и он на дерево.

Ты прячешься – и он прячется.

В той жизни мы сами решали, кто мы в этой погоне – догоняющий или убегающий.

ГЛАВА 6. НАПЁРСТКИ

ЭПИЗОД 1. ВХОД В КОЛЛЕКТИВ

Моя настойчивость дала результат. Меня позвонил один из «верхних» игроков:

– Иди сюда. Постою со мной, посмотри, как работаем. Запомянай «маяки».

«Маяки» – это система скрытых сигналов, которые «нижний» наперсточник подает «верхним». Команды, которые превращали нашу разрозненную группу в единый, отлаженный механизм – «станок». Я понял: судьба дала мне шанс, и я не имел права им не воспользоваться. Слишком многое было поставлено на карту.

Я упорно ездил на рынок и учился, стоя рядом и наблюдая, отрабатывая свой будущий «труд» без оплаты. Через неделю меня взяли в штат. Мое вознаграждение составило сто рублей за день работы «верхним» игроком. График – с девяти утра до пяти вечера, с часовым обеденным перерывом. Это был стандартный оклад.

Через полтора месяца я поднялся по карьерной лестнице. Я стал «нижним» наперсточником. Теперь я крутил не только наперстки, но и бритвенные стаканчики, детские и даже десяти-литровые ведра, бросал три карты. Теперь я «поднимал» до пятисот рублей в день, а иногда – золотые кольца, серьги, браслеты. Счастью не было предела.

Существовала и своя дисциплина, с штрафами и денежными взысканиями. Например, если проигравший и обиженный «клиент» начинал отговаривать других от игры, в силу вступали неписанные правила.

Правило первое: ближайший «верхний» должен был шепнуть ему на ухо два матерных слова.

Правило второе: если не подействовало – взять настойчивого за ухо и оттащить от «станка». В сложных случаях подключалась «крыша».

Правило третье: дать обиженному хорошего пинка под зад, желательно так, чтобы он скатился со второго этажа Некрасовского рынка на первый.

Я иногда нарушал третье правило, особенно если «обиженным» оказывалась бабушка – а они, кстати, были невероятно азартны. За мягкость меня штрафовали на пятьдесят рублей – почти половину месячной зарплаты инженера по тем временам.

Говоря о бабушках, одна из них поразила меня своим азартом и смекалкой. Став старшим, я принял её в коллектив в качестве помощницы «верхнего» игрока и платил ей по двадцать пять рублей в день – фактически, её месячную пенсию. Но эта бабушка была чудом – с её участием «станок» приносил прибыли в полтора раза больше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.